

* * *

(Памяти хорунжаго Н. А. К—на).

Тихій Донъ не слыхаль замирающихъ словъ
На устахъ казака молодого,
Не послалъ онъ привѣта родного
На послѣдній его, угасающій зовъ.
 Но онъ плакаль о немъ своей свѣтлой волной,
 Но онъ пѣль ему дивную сказку,
 Про не ложную милую ласку
 Про раздолье станицы его дорогой.
И шумѣль, и стихаль... Бѣлоснѣжной грядой
На холодные камни ложился,
То незримо кому то молился,
То безсильною горько онъ плакаль слезой.
 Да, онъ плакаль о немъ—молодомъ казакѣ,
 Съ пылкимъ сердцемъ, съ мятежной душою,
 Что не справился съ бурей земною
 И найти свой удѣль не сумѣль на землѣ.
А хотѣлось найти его, взять, побѣдить!
Да поддержки и силъ не достало,
И безумная пуля сыскала
Выходъ дикій, нелѣпый: уснуть и—не жить!
 А любилъ какъ святыню родимый онъ Донъ,
 Безпредѣльныхъ степей обаянье,
 И коня, и родныя преданья,
 И знакомаго храма предутренній звонъ.

Онъ вдали тосковалъ... Гнетъ житейскихъ страстей
 Злымъ кошмаромъ на душу легился,
 Мыслей гордой онъ тщетно томился,
 Жизни пошлой не вынесъ тяжелыхъ цѣпей!
 Надъ могилою его такъ хотѣлось сказать:
 «Милый другъ, какъ ребенокъ капризный,
 Справедливо глядишь съ укоризной
 Ты на насъ—не сумѣвшихъ тебя поддержать»!..
 — *Всѣ мы нужны отчизнѣ*—звено за звеномъ,
 Цѣпь за цѣпью, впередъ подвигаясь,
 Ожерелье куютъ, не сгибаясь,
 Сотни ратниковъ дружныхъ въ усердьи своемъ.
 Ожерелье то—Родины слава и свѣтъ!
 Ея ростъ, міровой и могучій,
 Ея солнце, не скрытое тучей;
 Ея мощь, въ ореолѣ блестящихъ побѣдъ!
 И, быть можетъ, *среди нихъ* ты нашелъ бы призывъ,
 Къ цѣли свѣтлой пути золотые,
 И къ работѣ родной дорогія
 Силы черпаль, позорную слабость забывъ!
 А теперь... Не сыскать ни замковъ, ни ключа...
 Все могила безмолвно простила,
 Все могила въ себѣ схоронила,
 Въ неизвѣстную даль—точно сфинксъ—унесла!
 И лишь Донъ ему чудную сагу поетъ
 Про казацкую славу былую,
 И холодную землю донскую
 Серебристой волной, набѣжавъ, обдаеть...

Жс. Богаевская.

